

МЕТОДИКА СОПОСТАВЛЕНИЯ И АНАЛИЗА ЧАСТИЦЫ *-да* В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

*Абдуллаева Нилуфар Султанбаевна,
преподаватель Ташкентского финансового института
(99) 721-12-33
nilufarabdullayeva.uz@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются метод сопоставления в изучении темы частицы, функциональные сходства и различия служебных форм в функции частицы в трех языках, фонетические и функциональные эквиваленты, которые выступают в разных семантико-функциональных отношениях, функциональность частиц зависимо от их синтаксической структуры на примере полифункциональной служебной формы *-да* в узбекском, турецком и киргизском языках. Функционирование служебной формы *-да* как частица и союз в трех языках показывается на примерах из литературных, публицистических произведений, устной речи, словарей и грамматик.

Ключевые слова: метод сопоставления, служебные формы в функции частицы, частицы- союзы, фонетические и функциональные эквиваленты, функционирование, полифункциональность, полисеманτικότητα, семантико-функциональные, синтаксические сходства и различия

THE METHOD OF COMPARISON AND ANALYSIS OF THE PARTICLE - *da* IN THE TURKIC LANGUAGES

Abstract. The article discusses the method of comparison in the study of the topic of particle and describes Uzbek, Turkish and Kirghiz phonetic and functionally correlates some particles, their functionality, a different semantic relation, the polyfunctionality, generals and differences particles in these languages. The material of literary works, oral speech, dictionaries and grammar descriptions witness their semantic-functional disproportion in these languages. The polyfunctionality of the particle *-da* in the Uzbek, Turkish and Kyrgyz languages is studied in a comparative

aspect. Scientific opinions and conclusions are supported by literary and journalistic works, grammar sources and examples from oral speech.

Key words: the method of comparison, auxiliary parts of speech, particle, conjunction, functionality, polyfunctionality, the semantic and functionally disproportions, the generals and differences relations.

Сравнительный метод анализа служебной части языка поможет выявить ряд семантических и функциональных свойств этой категории и определить грамматические сходства и различия, которые крайне важны в изучении каждого языка и понимать его содержание. Это не исключено и в родственных тюркских языках. Известный факт, что близость тюркских языков основана не только на фонетико-лексических данных этих языков, но и семантической структурой, морфологическими свойствами, синтаксическим строем и даже стилистическими нюансами. В то же время, естественный процесс развития языка, каждый в отдельности, привело к появлению наравне с общими, резко отличительных черт в их лингвистическом и грамматическом содержании. И это достаточно отражалась в составе служебной части, где значительную долю занимают заимствования. Эта неизменяемая часть речи, особенно характерна функциональностью, семантически и стилистически, где данные формы выявляют смысловой фон сказанного и позицию говорящего. Связывая отдельные части речи и непосредственно влияя на семантическую структуру предложения, они образуют одно целое, в котором заключается цель высказывания и отношение к бытию. Некоторые служебные формы в вышеуказанных языках имея одинаковую фонетическую структуру различаются семантико-функциональном отношении и сходятся в том же. К примеру, наиболее употребительная почти во всех тюркских языках, восходящая к древнетюркской эпохе служебная форма *-да* в турецком, узбекском и киргизском языках выделяется многозначностью в функции частицы и функциональностью в роли союза, притом в нескольких, так как она выполняет функции и соединительного, и противительного союзов. Это говорит об общих в трех

языках морфологических и синтаксических связей, и насколько они согласуются в данном отношении между собой. В функции частицы *-да* означает усиленность и подчеркивание с разными оттенками в указанных тюркских языках. Сравним: в узб.: – *Marasul akam kasalimni aytgandirlar-da. (A.Q.)*/Видно брат Марасул все-таки рассказал о моей болезни (с оттенком недовольства).; в тур.: – *Anlıyor musun, şimdi beş parası da yok. (Ö.S.)*/Понимешь, у него сейчас и копейки нету (с оттенком беспокойства).; в кирг.: – *Ой, тоба, ай! Ушундай да козу туулат экен. (К.Б.)*/ – Ну и ну! Впрямь же такому ягнёнку родиться (с оттенком удивления и восхищения).

Синтаксический связь частей речи в союзной функции данной формы довольно схоже в трех языках. Сравним: соединительная функция в узб.: *Nasimjon o'rnidan turdi-da eshik tomon yurdi. (O.)*/Насимджан встал (с места) и подошел к двери.; в тур.: *Üç gün izin verseniz de eve gitsem. (Ö.S.)* / Позвольте на три дня уехать домой.; в кирг.: *Азамат кетер замат, канат терезени тарс-тарс эттирип чертти да, энени чакырды. (Т.С.)*/Азамат уходя стучил в окно и позвал мамушку.

Как заметим, в предложениях союз *-да* обеспечивает связь между глаголами личного окончания и существительными падежного окончания, при этом означая равное положение двух частей. То же можно наблюдать функцией противительного союза, где в основном, противоречие двух частей выявляется насчёт условного наклонения *-са (-sa/se)* плюс формой *-да*. Сравним: в узб.: *Yosh bo'lsa-da uquvi zo'r edi. (A.M.)*/Хотя молодой, но был очень сообразительным.; в тур.: *Sevmese de bu işi yapacak. (R.N.G.)*/Хотя и не нравится, он сделает это.; в кирг.: *Карья алтмышка жакындап калса да кучтүү эле. (Ч.А.)*/Хотя старику под шестьдесят, но он ещё сильный.

Отличительно от узбекского и киргизского языков в турецком противительная функция союза осуществляется с глаголами личной формы третьего лица и формой отрицания *-та/те*, означающая невыполненность действия. Напр.: *Çok çalıştı da kazanamadı. (Ö.S.)*/Усердно старался, но не добился успеха.

Изучение функционирования формы –*да* в трех языках выявил общие и особенные положения в грамматической структуре данных языков, которые дали повод всесторонне проанализировать и определить статус этой формы. Опираясь на нормативные грамматики, научные труды по этой части и литературе можно растолковать следующее:

1. В узбекском, турецком и киргизском языках служебная форма –*да* описывается собственно частицей, не отвергая, однако, союзной функции¹, а киргизском, дополнительно функцию послелога².

2. Данная форма обеспечивает связь между равными частями речи и соединяет двух предложений в одно целое в функции соединительного союза, также противоположных по значению частей речи и предложений в функции противительного союза, часто с условным наклонением –*са*, в турецком –*sa/se (-sa da, -sa da/se de | хотя, но)*.

3. Форма –*да* имеет в основном, постпозитивный характер в функции частицы и интерпозитивный как союз, поскольку определяет, выделяет предшествующее слово как определительно-уточнительная частица и связывает части речи и предложения в одно целое с определенными грамматическими средствами в смысле равенства и противоположности. Особо синтаксический связь имеет эта форма в турецком, являясь в конце предложения, что резко отличается от двух языков. Пример: *Yakında bir düğün varmış da. /Скоро свадьба оказывается. Nava pek güzel de. (R.N.G., s.186, 368)/Погода очень хорошая.*

4. Турецкий и киргизский языки совпадают применением –*да* после личных местоимений без каких-л. связок (*-Ben de gidiyorum./-Мен да барам./-Я тоже пойду.*), чего отсутствует в узбекском, где применение –*да* требует участия

¹ См.: Грамматика узбекского языка. Морфология. I том. Ташкент. “Наука”, 1975, с. 438.; Турсунов У., Мухтаров Ж., Рахматуллаев Ш. Современный узбекский литературный язык. Ташкент. «Узбекистан», 1992, с.399; Насиеминоғлу N. Türk Dilinde Edatlar. –Istanbul: Milli Eğitim, 1984. –С. 218; Banguoğlu T. Türkçenin grameri. –Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1986, 2. baskı. –С.385-408; Ergin M. Türk Dil Bilgisi.. –Istanbul: Bayrak, 1992. 19. baskı. –С. 348-373; Türkçe Dil Bilgisi.. -Ankara: TÖMER, Gazi Üniversitesi, 2000. –С. 181-189; ÖSS Türkçe. –Izmir: FEM Yayınları, 2001. –С. 113-119; И.А.Батманов. Части речи в киргизском языке. – Фрунзе, Киргизгосиздат, –С. 40 – 424; Акунова А., Чокошева Б., Эшимбекова Г.Азыркы кыргыз тили. Морфология. – Бишкек, 2009. – Б. 85 – 87.

² Карымшакова А. Семантико-грамматические функции частиц в кыргызском языке. Автореф. дисс. канд. ф.н., Алма-ата, 1992, –С . 26.

аффикса –дан исходящего падежа когда речь идет о личных и указательных местоимениях (-Sendan-da chiroyli/-Bundan-da yaxshi./-Красивее тебя./-Лучше этого.).

5. В турецком и киргизском –да применяется повторно с однородными членами в смысле выделения, подчеркивания и вычисления (-Annem de, babam da gidecek./Жакшыга да бир ата, жаманга да бир ата./И мама и папа тоже пойдут./И хорошему один отец, и плохому.). Аналогичное положение повторности в узбекском осуществляется другим грамматическим средством, т.е. формой ҳам (-Bizga o'qish ham, ish ham zarur./Нам необходимо и учеба, и работа.), но очень редко в разговорном стиле встречается подобное явление (-Ona-da, ona, hammasini tushunadi).

6. Как частица, -да (в тур. da/de) может употребляться после падежных, притяжательных окончаний (Aradaki kapıyı da açmışlar./Открыли и дверь в середине. Önünde gölgesi de siyah, yuvarlak bir halı gibi yürüyordu. (Ö.S., s.102,112)/Шёл впереди и его тень как черный, круглый ковер.) и множественной формы –лар (в тур.-lar/ler) в значении усиления и выделения (Görecekler de şimdi. (Ö.S.)) и как соединительный, противительный союз после личных окончаний в турецком и киргизском языках. А вот в узбекском несколько ограничено, так как –да применяется только с исходным падежом –дан в вышеуказанном значении, не имеет связи с притяжательными и множественными окончаниями, а после личных окончаний, обычно, является в функции соединительного союза.

7. В киргизском языке имеется сочетание типа деп да, где выражение подчеркивания осуществляется насчет вспомогательного глагола деп, чего не наблюдается в турецком и узбекском. Особо отмечаемое положение встречается и в турецком языке в конструкциях с использованием наречной формы -miş с повелительным наклонением глагола (gelmiş de, almış da). При этом, союзное сочетание –да типа янада/жана да/yine de или daha da (ещё больше) в значении усиления активно используется в трех языках.

8. В функции частицы данная форма на фоне основного значения, т.е. усилительно-выделительного значения или сохраняя подчеркнутость является в

дополнительных значениях и оттенках, как уточнение, желание, неприязнь, подсчет, непрерывность, интенсивность, подтверждение и т.д. в трех языках.

9. Объединяя два глагола *-da* означает скорость действия, обычно с глаголами повелительного наклонения, типа *ol-da ket /бери и уходи, o'tir-da yoz /сядь и напиши; gir de otur/войди и сядь, bak da söyle/ смотри и скажи; оку да жаз/читай и напиши, жат да укта/ложись и усни* и т.д.

10. Наблюдается, что служебная форма *-da* отличается стилистически, активно применяется в стихотворных произведениях в трех языках, широко используется в разговорном, художественном, публицистическом и редко, в научном стилях, где в последних трех данная форма в основном, выступает как союз, а в разговорном в функции частицы.

В тюркских языках можно говорить не только о функциональных свойствах формы *-da*, но и о функциональных свойствах других грамматических форм. Функциональные особенности вспомогательных языковых единиц в турецких языках также видны в процессе перевода.

В переводе произведений, принадлежащих к разным жанрам, среди других языковых явлений важную роль играет и его вспомогательная часть, служащая для нагружения дополнительным смыслом предложения. Особенно это заметно в речи героев произведения. Поскольку предлоги отличаются от других лексико-грамматических единиц тем, что они специфичны для стиля говорения, они являются единицей устной речи, способной придавать дополнительное значение предложению. Широкий спектр значений большинства нагрузок, т. е. их разнозначность, иногда создает неоднозначные, абстрактные ситуации в переводе. В таких единицах значение в ряде случаев носит контекстуальный характер, то есть их значение возникает в зависимости от содержания всего текста. Например, для того, чтобы понять, что пытается сказать герой произведения, переводчику необходимо глубоко проанализировать стоящую перед ним ситуацию, суметь прочувствовать душевное состояние в этой ситуации. Нельзя отрицать, что здесь важны не только знания, но и внутреннее чувство. Однако есть и места, где сам перевод неверен или невозможен. Потому

что они лишь представляют дух этой нации. Это невозможно выразить словами. Как сказала немецкая ученая Мария Эбнер Эшенбах: «душа языка наиболее ярко отражается в словах, которые невозможно перевести». Однако наши переводчики отмечают, что иногда целесообразно переводить языковые средства национальных особенностей, например, имена людей с одного языка на другой методом транслитерации.

Например, такие единицы, как *-da*, *-mi* в узбекском, *ki*, *ya* в турецком, *эле*, *беле*, *аябай* в кыргызском имеют многозначный характер, и их перевод на второй язык обычно делается по требованиям ситуации, а иногда вообще не переводится. Например, вспомогательная единица *аябай* в кыргызском языке употребляется как в значении «очень», так и присоединяется к прилагательным и глаголам в значении «очень, слишком, чрезвычайно» для обозначения степени характеристического (*аябай акылдуу/очень умный*, *аябай кары/очень старый*, *аябай жакты/очень любимый* и т.д.) значения. Или возьмем часто встречающуюся в нашей устной речи конструкцию "- Ахийри келибсан-да?...". означаящую сарказм. В то же время к этому предложению можно приложить несколько разных значений. Нетрудно понять, что кроме первого видимого вопроса, значения жалости, если смотреть глубже, есть еще выражения отчаяния, подавленности, беспомощности, сожаления. В свою очередь, важна и интонация этого предложения. Для того чтобы понять цель речи, необходимо понять дух благожелательности или конфликтности в ней, а также тон, то есть радость, счастье, удовлетворение или печаль, грусть, горе, боль, гнев и т. д. Умение различать чувства лежит в основе перевода. Изменение смысла одного предложения произнесением его другим тоном и изменением значения слова в нашем языке частое явление. Например: *олдинг-а*, *бордингми*, *кўрдингми*, *сен-а*, или по-турецки: *güzel ya*, *bak ki*, *gitmemiş de* или по кыргызски: *сен эле*, *ошол эле*, *кантып эле*, *аябай бийик* и многие конструкции с частицей могут быть проанализированы с точки зрения их духовной реализации с помощью тона . Вторую языковую альтернативу таких правоприменительных конструкций целесообразно переводить, исходя из контекстуального значения предлога,

сопровождающего такие слова, или путем нахождения семантически приемлемого эквивалента. В некоторых случаях, нецелесообразно, перевод частиц. Потому что это может вызвать искажение смысла, неуверенность и отвлеченность, совершенно не соответствующие ситуации. Потому что, как было сказано выше, непереводаемым достоянием каждого народа являются его выражения, имена и т. д. существует и не может быть переведен сам по себе. В таких случаях правильнее максимально найти реальную альтернативу его смыслу, чертам характера, использовать разные способы и формы передачи этого смысла, а иногда вообще не переводить и оставить как есть. Например, как безумно называть героев известной сказки Розочка и Беляночка Белым цветком и Красным цветочком, героя мультфильма Персик зовут Персиком, Золушку - Кулойим, а героя фильма Фан-фан Тюльпан - Фан-фан Лолагул. Было бы совершенно правильно оставить Буратино и Гулливера такими, какие они есть.

Трудно найти большинство пропорций в нагруженных конструкциях, то есть определить альтернативу этой единицы. Это видно по кыргызскому языку, который является тюркским языком. Например, форма *эле* с функцией частицы отличается широкой семантикой в этом языке. Он ограничивает, определяет, подчеркивает, усиливает и т. д. в языке, имеет разные значения. Однако предложения с этим предлогом почти всегда переводятся без этой единицы: ошол эле кюну (в этот день), ошол эле джерде (там), ошол эле бетте (на этой странице), уйдё эле болом ((Я) буду дома), так далее. Или, в турецком, такие вспомогательные единицы подчиняются синтаксическим законам языка, но не участвуют в процессе перевода. Например, возьмем конструкцию, выражающую ценность и редкость чего-либо: *Istanbul'da bir nüshası daha yok*. Мы переводим это предложение, так как «Другого экземпляра в Стамбуле нет». Если перевести предложение по порядку слов, то оно будет таким: В Стамбуле копии нет (пока). Поскольку вспомогательная единица *daha* в турецком языке означает «снова», «снова», «еще» и выражает ударение и подкрепление, или, если речь идет об одном слове, означает «другой», «второй раз» в смысле недоброжелательности, в некоторых предложениях используется для выражения сожаления и угрозы

действия (*–Bir daha gitmem!! – Больше не пойду!*). Такой ряд слов или единиц может быть расширен таким образом. Однако важно знать объем, место и стиль их использования.

Возвращаемся к частице *-da* и сделаем вывод.

Служебная форма *–da* выделяется широким диапазоном употребления и семантико-функциональными свойствами в трех языках, иногда схожих и иногда резко отличительных ситуациях. Это дает богатый материал всестороннему изучению и определить статус данной формы среди служебной категории в тюркских языках.

В вышеуказанных примерах и выводах мы ограничились только результатами частичного анализа этой формы при многогранности изучаемого материала, которая охватывает и другие направления грамматики в сравнительном аспекте.

Функциональные или полифункциональные служебные формы как малоизученная часть грамматики нуждаются в тщательном исследовании как в каждом, так и с другими языками, не исключая родственных, в результате которого ещё шире откроются лексико-семантические, функциональные возможности частей речи, степень употребительности служебной категории в разных языках, которые помогут определить уровень соотношения между языками.

Сокращения:

А.Қ. – А.Қаҳҳор, О. – Ойбек, К.Б. – К. Баялинов, Ö.S. – Ö.Seyfettin
Т.С. – Т.Сыдыкбеков, А.М. – А. Мухтор, R.N.G. – R.N.Güntekin, Ч.А. –
Ч.Айтматов

Использованная литература

1. Грамматика узбекского языка. Морфология. I том. -Ташкент: “Наука”, 1975, с. 438.
2. Турсунов У., Мухтаров Ж., Рахматуллаев Ш. Современный узбекский литературный язык. -Ташкент: «Узбекистан», 1992, с.399.

3. Hacıeminoğlu N. Türk Dilinde Edatlar. –İstanbul: Milli Eğitim, 1984. –С. 218.
4. Banguoğlu T. Türkçenin grameri. –Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1986, 2. baskı. – С.385-408.
5. Ergin M. Türk Dil Bilgisi. –İstanbul: Bayrak, 1992. 19. baskı. –С. 348-373.
6. Türkçe Dil Bilgisi.. -Ankara: TÖMER, Gazi Üniversitesi, 2000. –С. 181-189.
7. ÖSS Türkçe. –İzmir: FEM Yayınları, 2001. –С. 113-119.
8. И.Батманов. Части речи в киргизском языке. –Фрунзе: Киргизгосиздат, –С. 40 – 424.
9. Акунова А., Чокошева Б., Эшимбекова Г. Азыркы кыргыз тили. Морфология. – Бишкек: 2009. – Б. 85 – 87.
10. Карымшакова А. Семантико-грамматические функции частиц в кыргызском языке. Автореф. дисс. канд. ф.н., Алма-ата, 1992, –С . 26.